СТАРЕЙШИНА НАШЕЙ ЭСТРАДЫ

Алексей Григорьевич Алексеев справляет нынче шестидесятилетний юбилей.

Пожилый москвич скажет:

— Позвольте, но он же значительно старше! Помню, еще в двадцатые годы...

Да, еще в двадцатые годы Алексеев конферировал в популярном театре миниатюр «Кривой Джимми», сочинил одну из первых советских оперетт «Людвик ...надчатый», которая очень понравилась Луначарскому, был главным режиссером театра оперетты...

А еще раньше, до революции, он был популярен в Одессе как конференсье и с успехом выступал в Петербурге...

— Позвольте, но сколько же ему лет?!

Девяносто четыре. И представьте, Алексей Григорьевич Алексеев до сих пор выступает на эстраде. Совсем недавно в «Эрмитаже» он открывал программу.

Непринужденно и смешно рассказывал Алексей Григорьевич о том, какова была летняя эстрада 70 лет назад. Точнее, не рассказывал, а показывал. Французенку, полячку, немку, их песенки, Полуграмотного куплетиста. И все это с тонким филигранным мастерством, чувством меры и вкуса. Как будто не было за плечами долгой-долгой жизни и многолетнего перерыва в выступлениях на эстраде.

Ровно шестьдесят лет назад А. Г. Алексеев стал москвичом. И теперь он как бы непреходящая принадлежность нашей столицы. Ее достопримечательность. Когда он, безукоризненно одетый, подтянутый, появляется на вечере в ЦДРИ или Доме актера, за спиной слышен шелокот:

— Это Алексеев... Ему больше девяноста лет!

— Неужели? А на вид лет шестьдесят... Статная фигура. И походка совсем не старческая.

Да, в свои 94 года Алексей Григорьевич остался артистом. И дело не только в фигуре и походке. Он сохранил живой ум, острейшее чувство юмора, а главное, вкус к жизни. Его все интересует, все касается.

В этом я убедился, побывав в гостях у Алексея Григорьевича, в его уютной квартире в Ворониковском переулке.

Фотографии и рисунки с дарственными надписями. Длинная полка с книгами, тоже подаренными авторами. Читаешь надписи и понимаешь: это не просто свидетельство уважения к коллеге, дань признания его заслуг. Это выражение искренней признательности и симпатии. С Алексеевым дружили Маяковский и Асеев, Давыдов и Качалов, Смирнов-Сокольский и Хенкин. Наварное, они ценили в нем и даровитого актера, и остроумного драматурга, и опытного режиссера. Но, думается, главное не это. Алексей Григорьевич Алексеев в совершенстве владел (да и сейчас владеет) искусством человеческого общения.

Вот он слегка прищуривает свои близорукие глаза, поудобнее устраивается в кресле и начинает рассказывать:

— Мне посчастливилось видеть на сцене всех великих русских актеров двадцатого века. Помню трепетную Комиссаржевскую, огненно трагическую Ермолову, тонкую артистку Савину... Большая личная дружба связывала меня с Владимиром Николаевичем Давыдовым, замечательным мастером сцены, которого вся театральная Россия величала Дедом.

Давыдов всегда абсолютно точно знал текст роли, но в водевилях позволял себе отсебятину и вольности. Он верил и чувствовал: этого требует сама природа жанра.

Однажды я пришел за кулисы в середине водевиля. Владимир Николаевич увидел меня, подошел к кулисе и шепнул:

— Смотри, что сейчас будет!

И стал называть своего партнера через каждые несколько фраз другим именем. Тот был Воробьев, и посыпались Пташкины, Соловейчиковы, Воронковы, Журавлихины. Всякий раз, когда партнер поправлял Давыдова, он просил прощения, но так просил, что и публика хотала, и актеры еле сдерживались. А я был потрясен этим калейдоскопом интонаций и чувств, ими выраженных... Он и смущал-

ся из-за своей ошибки, и не понимал ее, и смеялся над ней, и огорчался, и обижался, что его поправляли, и все это с хотя и спрятанной, но ощутимой издевкой над собеседником...

Алексей Григорьевич продолжил свой рассказ:

— Вот вы спрашиваете о Маяковском... Однажды я конферировал в кабаре, посетителями которого были главным образом толстокожие и самоуверенные эпманы. Иные из них вели себя развязно, как богатые хозяева, позволяли себе грубые реплики, оскорбляющие артистов. В таких случаях я старался не отвечать слишком резко. И вдруг в зале раздался громкий властный голос, ответивший на очередную эпмановскую пошлость уничтожающей репликой.

Окончился концерт, и за кулисы вошел высокий человек с властным, как будто знакомым лицом. Он протянул мне руку.

— Маяковский. Что же вы, Алексеев, шуточками да вежливыми словами с эпманами разговариваете? Не церемоньтесь! У них шкуры толстые! Бейте их. Уничтожайте словами!

— Владимир Владимирович, они же здесь вроде гостей, а я вроде хозяина...

— А-а-а. Вы хозяин ресторана? Не знал.

— Нет, конечно. Но я хозяин концерта, и если очень обижать их, они больше не придут...

— Ну и пусть сидят дома! Вам-то что? Сами говорите — не хозяин... Заходите ко мне, Алексеев. Запишите телефон и заходите.

Мы часто встречались у него, у меня, у Николая Николаевича Асеева, в нашем актерском клубе...

Много уже говорилось и писалось о Маяковском на эстраде. Хочу подчеркнуть, что он всегда разговаривал с публикой. Конферировал. В лучшем смысле этого слова...

...Возраст есть возраст. Чувствую, что Алексей Григорьевич устал. Пора прощаться. Но не хочется уходить из гостеприимной квартиры, хозяин которой сохранил в полной мере вкус к жизни.

Б. ЕВСЕЕВ.